

УДК 32.321.01

Валерия Эдуардовна Василевская*аспирант 1-го года обучения каф. международных отношений
Белорусского государственного университета***Valeria Vasilevskaya***1st Year Postgraduate Student of the Department of International Relations
of Belarusian State University*e-mail: vasilevskaya.v.e@mail.ru

КОНСОЛИДАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

Рассматриваются особенности консолидации политической власти в проекции ценностной системы китайской культуры. Внимание концентрируется на специфике методов и способов познания мира, ценностных ориентациях, функционировании общественно-экономических и политических структур. Раскрывается сущность мифологического начала феномена политической власти в древнекитайской культуре. Анализируется китайская модель политической культуры посредством таких показателей, как мировоззрение (феномен «даосизма», определяющий путь к космической гармонии и энергии), установки (древнекитайская конфуцианская философия, определяющая общественные нормы и политическую систему), отношение к власти (идеи социального порядка, определяющие взаимоотношения правителей и граждан) и статус законов (верность традициям и коллективизм, определяющие законодательную основу).

Ключевые слова: альтруизм, восточный деспотизм, дао, конфуцианство, легизм, увэй.

Consolidation of Political Power in the Context of China's Cultural Values

This article discusses the features of the consolidation of political power in the projection of the value system of Eastern culture. Attention is focused on the specifics of methods and ways of knowing the world, value orientations, the functioning of socio-economic and political structures. The essence of the mythological beginning of the phenomenon of political power in ancient Chinese culture is revealed. The Chinese model of political culture is analyzed through indicators: worldview (the phenomenon of «Taoism» that determines the path to cosmic harmony and energy), attitudes (ancient Chinese Confucian philosophy that determines social norms and the political system), attitude to power (ideas of social order that determine the relationship between rulers and citizens) and the status of laws (loyalty to tradition and collectivism, which determine the legislative framework).

Key words: altruism, oriental despotism, tao, Confucianism, legalism, wuwei.

Введение

Современный этап человеческого развития характеризуется тесной взаимосвязью культурных и политических процессов, что отражается на социальной деятельности людей. Если рассматривать культуру как своего рода хранилище ценностей, то политику можно определить как культурный институт, эксплуатирующий их. Строительство любого государства основывается на ценностном фундаменте, который определяет консолидацию власти. Механизм консолидации власти фактически проявляется в так называемой функции «охраны» неравенства, когда политическая элита, являясь источником социальной стратификации

и пользуясь ее плодами, заинтересована в стабилизации неравного распределения общественных благ. Наделенная функцией власти, правящая элита осуществляет контроль над большинством общественных благ, что и формирует «отгороженный каркас» элиты от масс.

Стоит отметить, что в научном пространстве бытуют мнения о том, что механизм консолидации элиты – дело сугубо «верхушечное» и никакого отношения к народу не имеет. Однако исследования, объектом которых является массовое сознание, констатируют прямую зависимость социализации человека и сплоченности элиты. Поскольку раскол, или отсутствие консолидации, в первую очередь продуцированы кризисом ценностей, маргинализацией асоциальных и экстремистских элементов, что непосредственно формирует «правила со-

Научный руководитель – Наталья Ивановна Дрозд, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета

циальной игры» и общественного устройства. Можно даже сказать, что консолидация элиты в какой-то степени способствует консолидации общества, нормированию социальной коммуникации, упорядочению хаоса. Более того, зависимость общей договоренности элиты и функционирования социального организма основывается на общественном договоре, так сказать «закулисной сделке» о распределении власти и ответственности. Это не только легитимность институализации интересов элиты, но и стратегия учета интересов общества, решение его потребностей.

Власть как символ упорядочения хаоса имеет разную интерпретацию в многообразии культур, что позволяет отметить разное восприятие действительности и как следствие выявить специфику политической идеологии в том или ином культурном пространстве. В настоящей работе будет проанализирована специфика консолидации политической власти в культурном пространстве Китая. С этой целью будет рассмотрена сущность явления власти в контексте мифологического осмысления, как самой ранней формы образования властных отношений, а также выявлены отличительные цивилизационные факторы в системе власти, обусловленные ценностными ориентациями.

Непосредственно анализ китайской политической культуры основан на четырех показателях: мировоззрение, установки, отношение к власти и статус законов.

Мифологическое начало феномена власти

Явление власти присутствует абсолютно в любой культуре, начиная с мифологической эпохи и до наших дней. Представление о власти как символе упорядочения общественного хаоса является столь же древним, как и само человечество. При этом сами представления о власти трансформируются в унисон с представлениями о культуре, иначе говоря, если меняется власть, то меняется и культура. Одной из культурных констант, обуславливающих феномен политической власти, является мифологическое начало.

Миф – это самая ранняя форма образования властных культур в архаических обществах. Особенностью мифологической

антропологии власти является специфичная природа мифа, в котором отсутствует материальный облик. Любой предмет или явление содержат священный образ, т. е. являются одушевленными. Источник одушевления (происхождения) единый, что порождает равное положение людей и окружающих их предметов и явлений. И это вовсе не означает равных социальных возможностей, а, скорее, проявляется в равноправии по отношению к миропорядку, когда каждый член общества должен подчиняться космическим законам. Нарушение следованию этих законов инициирует образование космогонического хаоса и дестабилизацию общественного устройства. Более того, ценность человека, согласно мифологическим представлениям, определяется его отношением к Космосу, стремлением сохранить космический континуум, а попытки сопротивления строго подавлялись. Таким образом, в мифологической культуре человек существует в фатальности бытия, предначертанной космическим архэ. Свобода выбора человека строго ограничивается принципами космического мира [1, с. 90].

Идеи всемирного упорядочения хаоса прослеживаются в древнекитайской культуре, где в конфуцианских текстах подчеркивается весомость и необходимость наведения порядка: «управлять – значит упорядочить» (Конфуций). Подавление общественного хаоса является сверхзадачей культурного развития и возлагается на управляющее лицо – правителя. Здесь важно отметить, что в древнекитайской культуре фиксируется эволюция мировоззренческих концепций обустройства мира, когда статус правителя (императора) предопределяет бытие граждан, подобно священному Космосу в мифологическом сознании. При этом в китайской доктрине власти император должен не только обеспечить общественную стабильность, но и гармонизировать природные и материальные явления посредством выполнения определенных сакральных ритуалов. Считалось, что император воплощает идею мироздания, а в его личности аккумулируются силы природы: «Небо рождает людей, но без повелителя они затевают смуту. Небо рождает им правителя, чтобы навести порядок» [2, с. 120].

Древнекитайская структура государственной власти осмысливалась как про-

должение воплощения первообразов космических закономерностей. Граждане как объекты власти, в свою очередь, также должны были стать идеальными «элементами» космического порядка и выполнять сакральные ритуалы («ли») для его поддержания. Культура («вэнь») определялась как форма идеального гражданина, выполняющего подобные ритуалы: преодоление себя и обращение к «ли» составляет гуманность. Обогащая свою культуру «вэнь» и соблюдая «ли», как утверждал Конфуций, можно избежать нарушений.

Явление власти в восточной культуре

Взаимодействие культуры и политики может осуществляться на различных уровнях: цивилизационном, страноведческом, региональном. Традиционное деление культуры на Западную и Восточную имеет многовековую традицию, обусловленную различными методами и способами познания мира, ценностными ориентациями, функционированием общественно-экономических и политических структур. Например, в восточных обществах превалирует политический, можно даже сказать, «нерушимый» патримониалистский фактор, а в западных, напротив, в системе власти доминируют экономический и рациональный факторы.

В контексте контрастной отличительной специфики цивилизаций марксистская теория даже выделяет отдельный тип общественного производства. В труде Маркса «К критике политической экономии» (1859) впервые теоретизируется понятие «азиатского способа производства», под которым в первую очередь стоит понимать государственный деспотизм. В таких обществах государство является хозяином природы, единственным собственником земли, абсолютной властью над материальными и духовными предметами. В своем стремлении к овладению государство прибегает к силе или угрозе силой и достигает согласия по религиозным или иным причинам. Основные положения европейского концепта восточного деспотизма следующие:

- 1) земля есть государственная собственность;
- 2) равное положение граждан определяется законами государства;
- 3) каноны религии доминируют над гражданскими законами;

4) земледелие доминирует над промышленным производством и, как следствие, порождает цивилизационный застой в развитии;

5) степень обладания властью и богатством зависит от степени причастности к государству [3, с. 4].

Последователь марксистской теории осмысления восточного (азиатского) деспотизма, германо-американский социолог К. А. Виттфогель, первоначально специализировавшийся на истории Китая, в своем труде «Экономика и общество Китая (1931)» отмечает специфику азиатского строя, основывающуюся на классово-эксплуататорской общественной системе, кардинально отличающейся от античного феодализма. Виттфогель создает институциональную концепцию исторического развития обществ Востока на основе «географического детерминизма», обусловленного климатическими условиями стран Востока. Географический детерминизм, по его мнению, является истоком генезиса «восточного деспотизма», когда крупномасштабные работы, такие, например, как гидравлические сооружения, являются необходимым условием централизованного управления в восточном мире. В третьей главе своего фундаментального труда «Восточный деспотизм» Виттфогель заявляет, что «восточное государство сильнее общества», а власть в таком государстве моноцентрична и является антитезой полицентричной системе управления в странах Запада.

Политическая культура Китая

Специфика политической власти Востока коренится в особенностях жизнедеятельности общинных структур. Яркой характеристикой власти являются политические обязательства, которые существенно отличаются от западной модели. Для сравнительного анализа восточной модели политического порядка рассмотрим китайский культурный ареал. В структуру сравнительного анализа включим несколько показателей: мировоззрение, установки, отношение к власти и статус законов.

Китай – одно из самых крупных в мире по территории и экономическим показателям государств в Восточной Азии. Политическая культура Китая одна из немногих сумела сохранить «традиционную» идеоло-

гию в условиях современного мира. В настоящее время она представляет собой своеобразный синтез китаизированного марксизма и парадоксально устоявшегося модернизированно-традиционного конфуцианства [4, с. 121].

Для исследования политической культуры Китая необходимо рассмотреть его антропологическое измерение, воспроизвести духовный базис культуры, сформированный традиционной системой китайского мировоззрения (мироощущения).

Мировоззрение. Китайское культурное наследие является одним из старейших в мире: начало правления китайских династий относят ко II тысячелетию до н. э. (правление императора Яо). На рубеже эпох Чун-цю (VIII–V вв. до н. э.) и Чжанью (V–III вв. до н. э.), в период правления династии Чжоу, зарождается философская мысль Древнего Китая. Именно тогда появляется знаменитое конфуцианское пятикнижие (У-Цзин) – основа мировоззрения Древнего Китая (таблица).

Таблица – Основные положения древнекитайского пятикнижия «У-цзин»

Название книги	Философская мысль
«И-цзин» (книга перемен)	В книге отражена идея всеобщей изменчивости, постоянной смены событий (Солнце и Луна сменяют друг друга, четыре времени года уступают друг другу место и др.); именно в этой книге представлена двоичная система «янь» (женское начало) и «инь» (мужское начало).
«Ши-цзин» (книга песен)	Книга поэтических произведений, источник информации о языке, идеологии, этике и традициях различных регионов Древнего Китая; также в ней упоминается пять начал мира: вода, огонь, дерево, металл и земля.
«Шу-цзин» (книга преданий)	В книге представлены рассуждения на тему об идеальной системе управления государством, содержатся документы по древнейшей истории Китая.
«Ли-цзин» (книга церемоний)	В книге описывается идеальная конфуцианская модель социального механизма – от основ политической администрации до норм взаимоотношений в рамках семьи и ритуалов в основных жизненных ситуациях.
«Чунь-цю» (летопись «весны и осени»)	Летопись древнекитайского государства Лу, в которой кратко перечислены важнейшие события за период с 722 по 481 г. до н. э.

В контексте рассмотрения китайской философской идеологии необходимо отметить феномен даосизма. Понятие «дао» представляет собой символ вечного, неизменного начала, определяющего путь к космической гармонии и энергии. Это нематериальное явление, рождавшее мир вещей, которые, в свою очередь, находятся в постоянном круговороте бытия; достигая предельной точки своей реализации, они возвращаются к первоначалу («дао») и вновь рождаются. Феномен «дао» является центром древнекитайских учений, возникших на рубеже VI–III вв. до н. э. (Лао-цзы, Кун-цзы, Сюнь-цзы, Хань Фэй-цзы) [5, с. 11].

Основоположник школы даосизма древнекитайский философ Лао-цзы (VI–V вв. до н. э.) в знаменитом трактате «Дао Дэ

Цзин» обращает внимание на политический аспект бытия, отмечая губительную природу «беспредельной» власти, стремления к богатству: «совершенно мудрый избегает роскоши и излишеств».

Интересно также отметить разработанную Лао-цзы философскую систему построения вселенной, отражающую сущность правления (власти). Центром системы является принцип «увэй», т. е. пребывание в постоянном недеянии: мир вещей находится в неизменном беспорядке, упорядочить который искусственным образом не представляется возможным. Отсюда следует, что основная задача власти – следовать вселенскому ритму, не привнося ничего суетного: «Лучшим правителем является тот, кто себя ничем не проявляет» (рисунок 1).

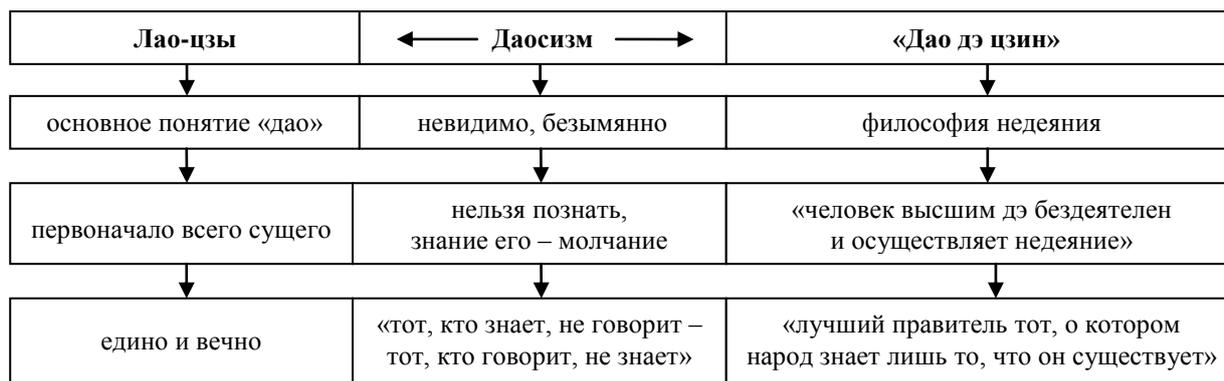

Рисунок 1 – Визуальная интерпретация древнекитайского философского учения «даосизм» [6, с. 23]

Установки. Учение о «дао» наложило свой отпечаток на основные установки древнекитайской философии, в т. ч. конфуцианские. Следует отметить, что конфуцианство является центром общественных норм, продолжающих действовать в условиях современного Китая. Основные положения этого философского учения сводятся к познанию взаимоотношений между людьми, их воспитанию. Согласно конфуцианской системе человеколюбия («жэнь»), воспитание должно быть основано на уважении к старшему, верности долгу и преданном служении правителю.

Необходимо отметить, что китайская модель политического порядка характеризуется прочным взаимодействием социального и политического укладов, установлением социальной гармонии. В свою очередь, социальная гармония является философской категорией в учениях Конфуция, который был ярким приверженцем традиций. Еще в VIII в. до н. э. в Китае сложился традиционный «семейный» порядок правящих структур, к которому и стремился вернуться Конфуций.

Сформулированная им идея политического порядка основывается на социальном контроле соблюдения обычаев и исключает индивидуализацию действий. Таким образом, политическая система Китая, согласно воззрениям конфуцианского течения, не предусматривает индивидуальной рациональности – она направлена на альтруизм. Основным звеном политической сис-

темы является социальный порядок, к которому должны стремиться люди, а примером идеального субъекта социума является правитель. В данном случае мы замечаем проявление элитизма, т. е. отождествления правящего класса и политической элиты.

Также особенностью китайской политической модели является влияние *религиозных течений*, к которым относят буддизм и даосизм, дестабилизирующие традиционный политический уклад, вследствие чего возникли идеи легизма, расцвет которого пришелся на III в. до н. э. [7, с. 81].

Отношение к власти. Продолжая анализ влияния идей конфуцианства на отношение к власти, стоит отметить специфику политической доктрины идеального государства, где власть в первую очередь стремится к достижению гармонии во взаимоотношениях правителей и граждан. Цель идеального государства – социальный порядок как результат урегулирования противоречий между объектом и субъектом власти.

Конфуций развивал идею «кровной» связи внутри государства, которое он трактовал как большую семью, где во главе находится отец (император). При этом в большой семье превалирует принцип неравенства: простолюдины (младшие) должны подчиняться благородным мужам (старшим). Под благородным мужем Конфуций понимал достойного гражданина, могущего служить идеалом для других членов общества (рисунок 2) [8, с. 85].

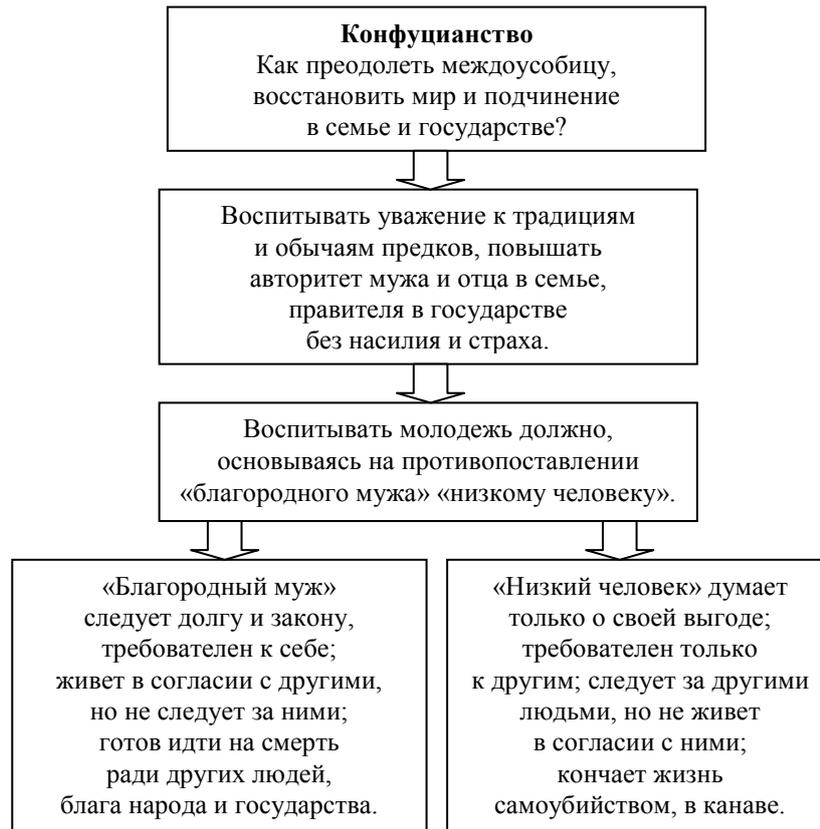

Рисунок 2 – Патерналистская концепция государства в политической доктрине конфуцианства [9, с. 17]

Политическая власть должна строить взаимоотношения с подданными на началах добродетели, нравственности, гуманности, однако это далеко не единственное условие обеспечения социального порядка. Немаловажным является нормирование общественной деятельности в соответствии со строгим правопорядком, в котором каждому отведено определенное место, обязанность и степень обладания тем или иным капиталом. Конфуций обращает внимание на необходимость устранения социальной стратификации, поляризации богатства и бедности, а социальное равенство и есть путь к достижению порядка. Таким образом, можно заключить, что основу политической этики Китая составляет «китаизированный марксизм», действующий на принципах традиционного конфуцианства.

Статус законов. Отличительной особенностью национального характера китайцев является верность традициям и коллективизм, т. е. групповая ответственность в системе социальных преобразований. Превалирование традиций над формальными установками государства характеризует

сущность законодательной основы Китая. И со стороны власти здесь важным является не стремление к приоритету законов, а, скорее, сглаживание противоречий между нравственными и законодательными установками. И если в целом законодательный процесс основан на принципах демократичности, открытости, децентрализации властных полномочий, то в Китае действуют свои принципы.

Стоит отметить, что в современном Китае центральное место в политической системе занимает Коммунистическая партия, в КНР нет традиционного разделения на исполнительную, законодательную и судебную власть. Правящая партия Китая является своего рода «собирательным» символом власти, она контролирует абсолютно все сферы деятельности. Отсюда проявление характерного для Китая тоталитарного режима [10, с. 74].

Итак, выделяют две философско-политические школы: конфуцианство и легизм. Конфуций полагал, что законы лишь усложняют жизнь людей: «Если руководить народом посредством законов, народ не бу-

дет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели, народ будет знать стыд».

Основатель легистской школы Шан Ян, напротив, главным методом управления считал закон. Критикуя образ гуманного правителя с ярким качеством человеколюбия в воззрениях Конфуция, Шан Ян полагал, что «човеколюбивый может быть человеколюбивым к другим людям, но он не может заставить людей быть человеколюбивыми; справедливый может любить других людей, но он не может заставить людей любить друг друга». Таким образом, в процессе эффективного управления нельзя полагаться только на человеколюбие и справедливость. Основные положения концепции закона Шан Яна сводятся к наделению правителя неограниченной властью (монархией). Будучи творцом законов, правитель является «неприкосновенным» источником власти, а его действия не подлежат обсуждению, как и не подлежат всякой критике выработанные им законы [11, с. 17].

Заключение

Подводя итог анализа консолидации политической власти в странах Восточного

мира на примере Китая, следует отметить единство властной системы в контексте культуры. Отметим, что характерной особенностью единства китайского культурного ареала является сохранение естественной связи с природным миром. Отсюда следует, что власть в Китае в первую очередь является гарантией поддержания порядка и стабильности. Базисным критерием, объединяющим установки восточного мира, является беспрекословное следование культурным традициям, основанным на религиозных канонах. В Китае такие установки направлены на соблюдение принципов конфуцианской школы (човеколюбие, альтруизм). Власть в таких обществах не стремится продуцировать «свои» общественные нормы, а, напротив, следует устоявшимся нравственным законам. В восточном мире отношение к власти имеет общий характер, выраженный в почитании единственного правителя, определенного «семейной иерархией» или сакрализацией. Соблюдение законов в странах Востока является признаком общественного порядка, здесь нет места «западной демократии», ибо Восток построен на традициях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рязанов, И. В. Власть мифа и миф о власти / И. В. Рязанов, С. В. Рязанова // Дискурс-Пи : науч.-практ. альм. – 2003. – Вып. 3. – С. 89–91.
2. Белая, И. В. Личность императора как воплощение космического порядка в официальной идеологии и даосской традиции / И. В. Белая // Науч. ведомости. – 2009. – № 10 (65). – С. 118–124.
3. Годелье, М. Азиатский способ производства: стимулирующий концепт с ограниченным аналитическим значением / М. Годелье // Общество, среда, развитие. – 2007. – № 1 (2). – С. 3–18.
4. Воскресенский, А. Д. Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: проблемы и преимущества «китайской модели» / А. Д. Воскресенский // Сравнит. политика. – 2014. – № 1 (14). – С. 120–138.
5. Белокурский, В. М. Становление и развитие философии : пособие для студентов / В. М. Белокурский. – Минск : Бел. гос. ун-т культуры и искусств, 2010. – 94 с.
6. Желтов, В. В. Сравнительная политология: политическая власть и политическое выражение : учеб. пособие / В. В. Желтов, В. М. Желтов. – Кемерово : Кемер. гос. ун-т., 2014. – 548 с.
7. Мельников, А. П. Политическая культура Китая / А. П. Мельников // Вестн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2012. – № 1. – С. 80–88.
8. Исаев, Б. А. Становление и функционирование партийно-политической системы Китая. Часть 2. Функционирование партийно-политической системы современного Китая / Б. А. Исаев // Theories and Problems of Political Studies. – 2014. – № 3. – С. 68–97.
9. Пивоваров, Н. Д. Источники древнекитайского права / Н. Д. Пивоваров // Актуал. проблемы рос. права. – 2015. – № 3 (52). – С. 15–23.

REFERENCES

1. Riazanov, I. V. Vlast' mifa i mif o vlasti / I. V. Riazanov, S. V. Riazanov // Diskurs-Pi : nauch.-prakt. al'm. – 2003. – Vyp. 3. – S. 89–91.
2. Bielaja, I. V. Lichnost' impieratora kak voploshchienie kosmichieskogo poriadka v oficial'noj idieologii i daosskoj tradicii / I. V. Bielaja // Nauch. vedomosti. – 2009. – № 10 (65). – S. 118–124.
3. Godel'je, M. Aziatskij sposob proizvodstva: stimulirujushchij koncept s ogranichenym analitichieskim znachienijem / M. Godel'je // Obschiestvo, srieda, razvitije. – 2007. – № 1 (2). – S. 3–18.
4. Voskriesienskij, A. D. Evoliucija politichieskoj sistiemy i politichieskaja modernizacija KNR: problemi i priemushchiestva «kitajskoj modeli» / A. D. Voskriesienskij // Sravnit. politika. – 2014. – № 1 (14). – S. 120–138.
5. Bielokurskij, V. M. Stanovlienije i razvitije filosofii : posobije dlja studentov / V. M. Bielokurskij. – Minsk : Biel. gos. un-t kul'tury i iskusstv, 2010. – 94 s.
6. Zheltov, V. V. Sravnitel'naja politologija: politichieskaja vlast' i politichieskoje vyrazhenije : uchieb. posobije / V. V. Zheltov, V. M. Zheltov. – Kiemierovo : Kiemier. gos. un-t, 2014. – 548 s.
7. Miel'nikov, A. P. Politichieskaja kul'tura Kitaja / A. P. Miel'nikov // Viesn. Bresc. un-ta. Sier. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2012. – № 1. – S. 80–88.
8. Isajev, B. A. Stanovlienije i funkcionirovanije partijno-politichieskoj sistiemy Kitaja. Chast' 2. Funkcionirovanije partijno-politichieskoj sistiemy Kitaja / B. A. Isajev // Theories and Problems of Political Studies. – 2014. – № 3. – S. 68–97.
9. Pivovarov, N. D. Istochniki drevniekitajskogo prava / N. D. Pivovarov // Aktual. problemi ros. prava. – 2015. – № 3 (52). – S. 15–23.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 18.04.2023